

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ПРИОРИТЕТОВ В СТРАТЕГИИ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ XX ВЕКА

Крах политико-экономической конструкции Советского Союза инициировал пересмотр многих устоявшихся представлений. Сомнению стало подвергаться все, что еще вчера казалось разумным и эффективным. На этой волне развернулась критика советской региональной политики. В наиболее радикальном варианте она принципиально отрицала прежнюю практику. Утверждалось, что ее ориентация на интенсивное использование всей территории страны задавалась исключительно идеологическими императивами, геополитическими и военно-стратегическими устремлениями «тоталитарного государства». Своим державным амбициям оно сознательно приносило в жертву «эффективное развитие экономики и особенно социальной сферы»¹. Поэтому «принудительный» сдвиг производства и населения на север и восток на деле оборачивался растратой созидательного потенциала общества. Для обоснования этой позиции использовались самые неожиданные предположения и аргументы². Новой же России предлагалось перейти к политике «сжатия» интенсивно используемого пространства, заняться первоочередным «обустройством» европейской части страны. А на восточном направлении — ограничиться выборочным, точечным освоением районов, богатых нефтью, газом, золотом и другими ресурсами.

Эта точка зрения как и ее аналоги, развиваемые зарубежными исследователями, встретились с серьезной критикой³. Тем не менее, идеи ограничения «фронта» при одновременной «интернационализации» освоения восточных районов продолжают жить. В той или иной мере они используются при подготовке программных документов. В качестве примера можно назвать проект концепции развития Арктической зоны Российской Федерации. Ее предлагают рассматривать как сырьевой и биологический ресурс мирового значения, подлежащий тому же точечному освоению⁴. Однако оппоненты утверждают,

что это неизбежно обернется фрагментацией и, в лучшем случае стагнацией экономики России. Они отстаивают иную перспективу комплексное развитие восточных районов, реальное повышение и роли в общероссийском разделении труда. Только в таком случае, по их мнению, можно ожидать устойчивого экономического роста страны⁵.

Несмотря на принципиальные различия в определении оптимального варианта регионального развития, обе точки зрения обосновываются похожим образом. Внимание акцентируется на должном, как производном от некоего идеала. В то же время о возможности реализации той или иной стратегии говорится гораздо меньше. А она определяется особенностями предшествующего развития. Именно последние формируют институциональную матрицу, задающую подходы к решению общественно-значимых проблем⁶. Следовательно, чтобы конструктивно обсуждать перспективы, необходимо понимать логику долгосрочных изменений, порождаемых инерционностью институтов, созданных на более ранних стадиях развития⁷.

Сказанное определяет особую значимость реконструкции предшествующей практики освоения восточных территорий. Ее истоки относятся ко времени становления российской государственности. Начиная со второй половины XVI века страна активно включала в свой состав огромные территории, находящиеся к востоку от ее исторического ядра. Тем не менее, главным в пространственной экспансии являлись западное и южное направление. Это рассматривалось как гарантия самого существования государства. Здесь, однако, Россия сталкивалась с интересами соседних держав и геополитических соперников, что провоцировало перманентные военно-политические конфликты. В отличие от запада и юга движение на восток и северо-восток в политическом смысле не создавало таких проблем. Но хозяйственное освоение вновь присоединенных территорий было непростым делом. Огромные пространства Урала, Сибири и Дальнего Востока — не лучшее место для активной экономической деятельности. Их «обустройство» требовало времени, огромных затрат и целенаправленных усилий в создании системы устойчивых транспортных коммуникаций. Оно осуществлялось как посредством самоорганизующейся колонизации выходцами из европейских районов страны, так и государственными структурами. Последние, однако, стремились минимизировать участие в повседневной хозяйственной практике. Свою главную задачу они видели в организации государственного присвоения природной ренты, получаемой за счет экстенсивной эксплуатации естественных ресурсов. Отсюда специфическая освоенческая политика восточной периферии. Она ориентировалась на использовании от-

носительно легко доступных природных богатств. А решающую роль при определении целесообразности их вовлечения в хозяйственный оборот играли военно-стратегические императивы и нужды центральных районов. Такой подход можно назвать колониальным, поскольку Азиатская Россия рассматривалась в данном случае в качестве ресурса развития «метрополии».

Однако на рубеже XIX—XX вв. в стратегии освоения восточных районов произошли важные подвижки. Обозначившееся техническое и институциональное отставание поставило предел территориальной экспансии Российской империи. Теперь нужно было думать о сохранении ее целостности. Решение этой задачи виделось в ускорении экономического роста как основы военно-политического могущества. Одновременно складывается убеждение, что территориальная организация производства не отвечает коренным интересам страны. Дело в том, что его основные центры располагались в европейских районах. Они были встроены в систему хозяйственных связей, в которой тон задавали западные державы. Поэтому сохранение сложившейся конфигурации размещения производительных сил рассматривалось как угроза независимому типу экономического развития и военно-политической самостоятельности государства. Отсюда, стремление перенести центр тяжести хозяйственных усилий в обширные континентальные районы внутренней России. Идеологом такой стратегии выступал известный политический деятель С.Ю. Витте. Он утверждал: «... прошло время, когда Россия военно-административными методами управляла своими обширными территориями. Сейчас необходимо их заселять и экономически осваивать. Причем ориентация должна быть не в сторону запада, как прежде, а в сторону востока, в наиболее богатые ресурсами районы»⁸. Помимо ускорения экономического роста новая региональная политика должна была снизить остроту накопившихся социальных противоречий (в частности — решить проблему «аграрного перенаселения» в европейской России за счет оттока на восток «избыточного» сельского населения), усилить позиции страны на Дальнем Востоке и в Средней Азии, испытывавшие растущее давление сопредельных государств и мировых держав.

Реализация этих планов столкнулась с известными трудностями как внутреннего, так и внешнего порядка. Было и принципиальное неприятие самого замысла «искусственного» ускорения хозяйственного роста восточных территорий. Утверждалось, что такая политика оборачивается неразумным расходом созидательной энергии народа, поскольку получаемые выгоды не покрывают затрат. Поэтому ее реализация неминуемо приведет к приостановке экономического и социально-культурного прогресса⁹. Тем не менее многое из вос-

точной программы С.Ю. Витте удалось осуществить. Достаточно назвать строительство Транссибирской железнодорожной магистрал. С учетом социальных, экономических и политических последствий осуществление этого проекта действительно имело историческое значение. Одновременно произошло качественное изменение роли государства в освоительской практике. Оно взяло на себя функции главного хозяйствующего субъекта. В условиях России, когда речь шла о выборе долгосрочных приоритетов, другого варианта просто не существовало. Частная инициатива, самоорганизация заинтересованных слоев и групп всегда играли подчиненную роль. Так было и в ходе «капиталистической индустриализации» С.Ю. Витте. Не случайно при исследователях отказывается его восточным проектам в экономической целесообразности. Утверждается, что они были преимущественно направлены на удовлетворение державных амбиций и мало сопрягались с реальными нуждами. Поэтому только советская система хозяйствования, построенная на принципах «осажденной крепости», смогла протолкнуть их к «исполнению» в полном объеме¹⁰.

Новый импульс планам наращивания производственного потенциала Урала и Сибири дала Первая мировая война. Тогда возникла идея превращения в «тыловые укрепленные районы», способные составить основу военной промышленности страны¹¹. Но времени на реализацию амбициозных замыслов не хватило. Революционные потрясения отодвинули их воплощение в жизнь. Они были реанимированы на рубеже 1920—1930-х гг., когда новая власть взяла курс на форсированное наращивание экономической и военно-политической мощи советского государства. Его региональная экономическая политика сохранила высокую степень преемственности с дореволюционными проектами. И в позднеимперском, и в советском вариантах восточные районы рассматривались, во-первых, как источник природных ресурсов, во-вторых, как перспективное место для развертывания новых комплексов производства тяжелой промышленности, и, в-третьих, как тыловой район по отношению к внешним, прежде всего западным рубежам.

Необходимые условия для реализации такой политики создавала советская экономическая система. Ее отличали мобилизационный характер и доминирование политико-идеологических устремлений в определении стратегических задач. Они мотивировали ряд действий, которые трудно объяснить даже геополитическими факторами. Тем не менее, нельзя утверждать, что экономическая целесообразность вовсе не принималась в расчет. Та же установка на ускоренное освоение восточных районов аргументировалась наличием эмпирически наблюдаемой положительной связи между ее последовательной реализацией и общеэкономическим ростом.

Монопольное положение государственной собственности и наличие жесткой властной вертикали, централизованно распределяющая ресурсы, давали возможность осуществлять избранную стратегию не считаясь с никакими издержками. В результате уже в 1930-е гг. на Урале и в Сибири, реализуются масштабные хозяйственные проекты. Ключевая роль в них принадлежала программе Урало-Кузбасса, предусматривавшей создание многоотраслевого промышленного комплекса. Это было политическое решение, учитывающее наряду с экономическими военно-стратегические факторы и идеологические императивы. Не случайно на стадии проработки соответствующих решений сама идея создания Урало-Кузбасса встретила заметную оппозицию. Ряд крупных экономистов и политических деятелей отмечали, что ее реализация будет «нерентабельна» с точки зрения народнохозяйственной эффективности¹². Однако их доводы не приняли во внимание, как противоречащие амбициозным планам «догнать и перенять» развитые страны. Говоря словами И. Сталина, «русский революционный размах», помноженный на «американскую деловитость» диктовал иную политику. Так на экономической карте страны появилась новая топливно-металлургическая база и сопряженный с ней комплекс электроэнергетических предприятий, машиностроительных и химических производств. Одновременно активизировалось железнодорожное строительство, направленное на укрепление межрегионального взаимодействия (европейские районы, Урал, Сибирь и среднеазиатские республики). По приближенным оценкам за десятилетие в восточной макроне в промышленном производстве СССР увеличилась с 6–7% до 16%¹³ (по другим данным — до 14,8%).

Трудно сказать как ее опережающее развитие сказалось на общенациональном росте. На сегодня таких оценок не существует. Тем не менее, общепризнано, что в 1930-е гг. советский индустриальный потенциал наращивался исключительно высокими темпами. Они резко контрастировали с аналогичными показателями западных стран, переживавших тогда застой. Более того, только в самые «лучшие годы» отдельные «капиталистические» государства демонстрировали такие же темпы роста¹⁴. Думается, что стремительное увеличение удельного веса Урала и Сибири в экономике страны и ее впечатляющая динамика не были простым совпадением.

В 1930-е гг. начинает создаваться крупная промышленность и в южной части восточной макроне, среднеазиатских республиках. Индустриализация увязывалась с «хозяйственным строительством» Сибири и на Урале и осуществлялась по тем же основаниям. Хотя и отличалась своей спецификой. Помимо прочего, индустриализация рассматривалась в качестве средства преодоления «экономической и

культурной отсталости» национальных районов. Последнее, по сути отражало стремление повысить социальную однородность страны, тем самым, упрочить позиции правящего режима.

Очевидные успехи в «сдвиге» производительных сил на восток инициировали появление новых амбициозных замыслов. Накануне войны при подготовке генерального хозяйственного плана СССР на 1943—1957 гг. намечалось вдвое увеличить долю восточной макрорегиона в общесоюзном промышленном производстве и довести ее к концу планируемого периода до 29—30%. Причем ставилась задача повысить удельный вес Урала, Сибири и Дальнего Востока с 11,4 до 24%. Реальность, однако, оказалась иной. В 1965 г. восточные районы давали 16,5% всей промышленной продукции в СССР, а в 1980 — 20%¹⁵. Тем не менее, это была уже иная территориальная конфигурация промышленного производства, чем накануне «сталинской» индустриализации. Важно и то, что опережающее развитие восточных районов стало связываться в общественном сознании с понятным, вдохновляющим идеалом великой державы, которая может все и везде. Это как раз тот случай, когда «идея, овладевшая массами, становится материальной силой». По сути, она превратилась в один из базовых, структурообразующих элементов национального самосознания и социальной организации российского общества.

Положительный эффект от «сдвига» производительных сил страны на восток в полном объеме проявился в годы Второй мировой войны. Созданные на востоке в предшествующие годы производства обеспечили развертывание сотен предприятий, эвакуированных из европейской части. Сюда же направлялась подавляющая часть капитальных вложений. В результате промышленность Урала, Западной Сибири и Поволжья стала основой военной экономики СССР. Важное место в ней также принадлежало среднеазиатским республикам, значительно укрепившим индустриальную базу¹⁶. Вместе они составили те «тыловые укрепрайоны», о которых только мечтали в годы Первой мировой войны.

Переход к мирной жизни естественно потребовал внесения определенных коррективов в региональную экономическую политику. Прежде всего, нужно было восполнить потери, понесенные в ходе боевых действий западными районами. Поэтому на время пришлось отказаться от наращивания производственного потенциала восточной макрорегиона¹⁷. Исключение составляли лишь предприятия ядерно-оружейного комплекса. Сил и средств на решение этой так называемой «проблемы номер один» не жалели. Даже приближенные оценки свидетельствуют, что атомный проект поглощал весомую долю национального дохода в первые послевоенные годы¹⁸. На его реализацию на

являлись огромные инвестиции, многократно превышающие вложения в любую другую отрасль промышленности¹⁹. Причем их основная часть осваивалась в восточных районах. Здесь возводятся основные предприятия по добыче и переработке урановых руд, производству делящихся материалов, серийному изготовлению ядерных зарядов и боеприпасов. Соответствующие решения мотивировались вопросами безопасности, расположением месторождений, наличием мощной электроэнергетической базы и запасов воды, необходимых по технологии производства²⁰.

Конечно, успехи в восстановлении народного хозяйства расширяли возможности реализации крупных проектов на востоке страны, напрямую не связанных с военно-промышленными интересами. В частности, в начале 1950-х гг. в качестве стратегической была поставлена задача развития Ангаро-Енисейского региона. Это рассматривалось как логическое продолжение программы Урало-Кузбасса. Огромные запасы гидроэнергетических ресурсов и высокая концентрация месторождений полезных ископаемых создавали реальные предпосылки для превращения Ангаро-Енисейского региона в хозяйственный комплекс союзного значения. Но и здесь весомую роль сыграли военно-стратегические расчеты. Так новые электроэнергетические мощности в первую очередь предназначались для обеспечения бесперебойной работы строящегося в районе Ангарска комбината по обогащению урана. В целом же начало реализации Ангаро-Енисейской программы мало что изменило. Правда удельный вес Сибири в капитальных вложениях вырос с 8,5% в 1946—1950 гг. до 10,5% в 1950—1955 гг. Аналогичные тенденции наблюдались на Урале. Но такое перераспределение ресурсов в пользу восточных районов не давало оснований для их опережающего развития. Поэтому темпы роста их промышленного производства вплоть до второй половины 1950-х гг. были заметно ниже чем в Российской Федерации и в стране в целом²¹. Думается, даже возможное уточнение конкретных цифр (неясно как тогдашняя статистика учитывала развитие атомной индустрии в региональном разрезе) вряд ли может изменить общую картину.

К политике опережающего развития восточных районов реально вернулись в середине 1950-х гг. Это было связано с рядом причин. Экономический рывок, осуществленный Советским Союзом в предшествующие годы, имел оборотную сторону. Он основывался на систематическом перераспределении ресурсов в пользу базовой и оборонной промышленности. В то же время, аграрный сектор, производство потребительских товаров, социальная сфера, демонстрировали низкую, а порой и отрицательную динамику. Такая политика оборачивалась распространением в обществе чувства усталости, ростом соци-

альной напряженности. Это побудило послесталинское руководство внести определенные коррективы в экономическую стратегию. В ней появилась потребительски-ориентированная составляющая. Вместе с дальнейшим упрочением оборонного могущества ее реализация предполагала заметное повышение жизненного уровня населения²².

Для осуществления столь разнонаправленных замыслов требовался новый скачок в экономическом развитии. Необходимые для него ресурсы рассчитывали получить за счет повышения динамизма освоения восточных территорий. В результате их опережающее развитие вновь стало практической задачей региональной политики. Естественно, она учитывала новации, обозначившиеся в общенациональной стратегии. В духе времени заговорили о необходимости комплексного подхода в развитии и размещении производительных сил, стали акцентировать внимание на социальных аспектах. Оформлению нового курса способствовало укрепление позиций местных органов власти в структуре государственного управления, начало которому положила совнархозовская реформа. В силу своего положения во властной вертикали они были вынуждены более внимательно относиться к проблемам и нуждам подведомственных им территорий. Но реализовывать подобные начинания — по большому счету не удалось. Особенно наглядно это проявилось в ходе освоения Западно-Сибирской нефтеразведочной провинции. Страна получила мощный ресурс, который можно было направить на решение перспективных региональных и общегосударственных проблем. Однако использовался он нерационально. Приоритетом стало наращивание добычи нефти и ее продажа на экспорт. А полученная валюта направлялась на латание дыр в теряющей эффективность советской экономике (зарубежные закупки продовольствия, оборудования, товаров народного потребления), финансирование гонки вооружений и избыточную внешнеполитическую активность²³.

Да и сама конфигурация восточных районов стала теперь определяться иначе. Если ранее страна делилась на две части: западную и восточную, с включением в последнюю «отсталых национальных районов», то в предшествующие распаду Советского Союза годы в плане плановой работы использовалась другая схема. Она предусматривала выделение трех макрорегионов: европейских территорий и Урала (относительно теперь к «старопромышленным районам»), Сибири и Дальнего Востока, а также Казахстана и Средней Азии²⁴. Такая схема, с одной стороны, полнее отражала существовавшее разнообразие в условиях хозяйствования. А с другой — более адекватно учитывала сокращающиеся возможности страны по перестройке территориальной структуры производства. В результате Урал оказался исключенным из чис-

ла районов, развитие которых предусматривалось вести опережающими темпами. Рост его промышленности (основы региональной экономики) намечалось осуществлять в основном на базе технической перестройки и реконструкции действующих предприятий, улучшения их производственных связей и т.п. Новое капитальное строительство ограничивалось решением задач, связанных со сглаживанием диспропорций в отраслевой структуре производства. На деле это обернулось замедлением инвестиционной активности в регионе, более низкими, чем в среднем по Союзу темпами роста промышленного производства, консервацией его устаревшей структуры²⁵.

Для южной макрзоны реализовывалась своя стратегия. Высокие темпы роста населения и трудовых ресурсов побуждали развивать здесь преимущественно трудоемкие отрасли промышленности, предприятия которых трудно было обеспечить рабочей силой в других местах. Одновременно к числу приоритетных относились отдельные отрасли аграрного сектора, в частности хлопководство, чья продукция имела важное, в том числе военно-промышленное значение. Заметную роль в социально-экономическом планировании играло приграничное расположение среднеазиатских республик. Их стремились использовать как некий «плацдарм» для расширения политико-идеологического влияния Советского Союза в странах третьего мира. Отсюда — демонстративное внимание достижениям в социальной сфере, сохранению культурного наследия, расширению системы транспортных коммуникаций и т.д.²⁶

Что касается Сибири и Дальнего Востока, которые теперь отождествлялись с «востоком» страны, то они, по существу, оставались единственными районами «интенсивного хозяйственного освоения». В решениях «директивных органов» постоянно подчеркивалась необходимость «ускорения» их развития. Эта установка конкретизировалась в плановых проектировках. Последние предусматривали более высокие, чем среднесюзовые, темпы прироста капитальных вложений и промышленного производства. Приоритет отдавался наращиванию возможностей топливно-энергетического и лесопромышленного комплексов, расширению масштабов добычи минерального сырья, развитию энергоемких и водоемких производств обрабатывающей промышленности²⁷. Их интересы в первую очередь учитывались при строительстве новых транспортных коммуникаций. Здесь также важную роль играли военно-стратегические факторы. В то же время комплексному развитию территорий, решению социальных проблем внимание уделялось в соответствии с остаточным принципом. Иначе говоря, несмотря на все заявления с «высоких трибун», на практике осуществлялось выборочное освоение восточной зоны Российской Федера-

ции, ориентированное на максимальное изъятие природной ренты хотя темпы роста промышленного производства в восточной макроне были несколько выше, чем в целом в стране, все разговоры их сбалансированном, комплексном развитии по большому счету тавались благими пожеланиями. Это негативно сказывалось на общ экономическом росте, уровне и качестве жизни населения.

Ситуацию усугубляло постоянное отклонение фактических показателей от намечавшихся. В качестве виновных в невыполнении новых заданий назывались отраслевые органы управления²⁸. Одна глубинная причина заключалась в сокращении возможностей советской экономики осуществлять масштабные маневры, перераспределить силы и средства в соответствии с принятой стратегией. Это являлось следствием трансформации директивной экономики в экономику «гласований» и «бюрократического торга»²⁹. В результате общего государственные задания, за отдельными исключениями, все больше становились «протоколами о намерениях». Их выполнение реально не стимулировалось. Административный нажим потерял был эффективность, а подлинно экономической мотивации просто не существовало в силу отсутствия рыночных сигналов и санкций. Это эминировало внешний контроль за ведомствами. А поскольку желаемое размещение производства не являлось мерилем оценки их деятельности, то они старались игнорировать спускаемые «сверху» соответствующие установки³⁰. Последствия такой политики были вполне предсказуемы. Эпицентр экономической активности сместился в мта добычи и первичной переработки полезных ископаемых, имевшая для страны критическое значение — на север Западной Сибири Красноярского края. Именно они «вытягивали» показатели развития промышленности востока Российской Федерации на уровень выше среднесоюзного. Другие же районы восточной макроне, обделенные непосредственным вниманием высшего руководства, оказались обречены на стагнацию. Это свидетельствовало, что советская модель ее «комплексного хозяйственного освоения» исчерпала себя

Конечно, современная политика опережающего развития восточных районов не может строиться по советским образцам. Сегодня иные отношения собственности, другая конфигурация власти. Отличаются и механизмы определения приоритетных задач. Но в любом случае, политика как «искусство возможного» должна учитывать особенности национальной психологии, укоренившиеся в ней представления о должном. К их числу несомненно относится желание видеть Россию в качестве великой державы. И это в общественном сознании связывается с ее способностью контролировать и обустроивать свои огромные пространства. Следовательно, политика интенсивного

ственного освоения восточных территорий «обречена» на общественную поддержку, даже если она не во всем отвечает критерию экономической целесообразности. Причем главную роль здесь может играть только государство, традиционно являющееся наиболее активным и сильным институтом российского общества. Поэтому диализм и государственное предпринимательство являются неотъемлемой частью политики ускоренного хозяйственного освоения востока России. Правда широкое участие государства в экономической жизни имеет свои минусы. Как правило оно оборачивается избыточной политизацией принимаемых решений, доминированием «общегосударственных» интересов в ущерб региональным, низкой эффективностью управленческих действий, ограничением конкуренции, высокой степенью коррупции и т.д. Остается лишь надеяться, что современное российское государство способно минимизировать эти издержки.

Примечания

1. Пивоваров Ю.Л. Альтернативная концепция макрорегионального развития России: сжатие интенсивно используемого пространства // Мир России. 1996. 2. С. 63–64.
2. Трейвиш А., Шупер В. Теоретическая география, геополитика и будущее / Свободная мысль. 1992. № 12. С. 22.
3. См.: Проблемные регионы ресурсного типа: Азиатская часть России / под ред. В.А. Ламина, В.Ю. Малова. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. С. 34–7.
4. Алексеев Е.С., Артемов Е.Т., Тимошенко В.П. Арктика и Россия: стратегия будущего // Наука. Общество. Человек. Информационный вестник Уральского отделения РАН. № 3(13). Екатеринбург: УрО РАН, 2005. С. 3–6.
5. См.: Проблемные регионы ресурсного типа: Азиатская часть России... С. 5–58.
6. См.: Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги, «Начала», 1997. С. 137–150.
7. Гайдар Е.Т. Долгое время. России в мире: очерки экономической истории. Изд. М.: Дело, 2005. С. 9.
8. Цит. по: Тимошенко А.И. Проекты социально-экономического развития Сибири в XX в.: Концепции и решения. Исторические очерки. Новосибирск: Сибирское Научное издательство, 2007. С. 8.
9. См.: Зубков К.И. Геополитический фактор российских модернизаций XVIII–XX вв. // Российские модернизации XVIII–XX вв.: взаимодействие традиций и инноваций. Екатеринбург: УрО РАН, 2008. С. 40–41.
10. См.: Мартынов С.Д. Государственный человек Витте. СПб.: Людовик, 2006. С. 234–235.
11. Долголюк А.А., Тимошенко А.И. Проекты комплексного освоения Сибири в XX в. // Восточные регионы России: стратегии и практики освоения. Новосибирск: Наука–Центр, 2006. С. 252–253.
12. Планирование размещения производительных сил СССР. Осуществление политики КПСС на этапах социалистического строительства. Ч. I. / Отв. ред. В.В. Мистанов. М.: Экономика, 1985. С. 120–128.
13. Там же. С. 25.
14. Обстоятельный обзор данных официальной статистики, альтернативных отечественных и зарубежных оценок экономического роста СССР см.: Ханин Г.И.

Динамика экономического развития СССР. Новосибирск: Наука, 1991; Кудров В.И. Советская экономика в ретроспективе: опыт переосмысления. М.: Наука, 1997.

15. См.: Тенденции экономического развития Сибири (1961–1975 гг.) / От ред. Б.П. Орлов. Новосибирск: Наука, 1980. С. 45; Планирование размещения производительных сил СССР. Осуществление политики КПСС на этапах социального строительства. Ч. II. / Отв. ред. В.В. Кистанов. М.: Экономика, 1986. С. 75.

16. Чадаев Я.Е. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). М.: Мысль, 1985. С. 182–184.

17. История социалистической экономики. / Отв. ред. И.А. Гладков. М.: Наука, 1980. Т. 6. С. 182–183.

18. См.: Симонов Н.С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управления. М.: РОССПЭН, 1996. С. 242–244.

19. Оценка по: Атомный проект СССР: Документы и материалы; В 3 т. / Под ред. Л.Д. Рябева. Т. II. Атомная бомба. 1945–1954. Книга 5. М.: ФИЗМАЛИТ, РФЯЦ-ВНИЭФ, 2005. С. 635; Капитальное строительство в СССР. Статистический сборник. М.: Госстатиздат, 1961. С. 56–57, 66–67.

20. Литвинов Б.В. Атомная энергия не только для военных целей. Екатеринбург: УрО РАН, 2002. С. 124.

21. Оценка по данным: Народное хозяйство РСФСР. Статистический сборник. М.: Госстатиздат, 1957. С. 109, 111; Капитальное строительство в СССР... С. 112.

22. См.: Белоусов А. Становление советской индустриальной системы // Россия XXI. 2000. № 2. С. 43–49.

23. Гайдар Е.Т. Гибель империи. Уроки для современной России. 2-е изд. испр. и доп. М.: РОССПЭН, 2007. С. 179–183.

24. Особенности и проблемы размещения производительных сил СССР в период развитого социализма. / Отв. ред. Н.Н. Некрасов. М.: Наука, 1980. С. 112.

25. См.: История народного хозяйства Урала (1946–1985). Часть 2. / От ред. М.А. Сергеев. Свердловск, 1990. С. 199–211; Личман Б.В. Уральская индустрия в экономической политике советского государства второй половины 50-х – середины 80-х гг. Екатеринбург: Изд-во УМЦ–УПИ, 1980. С. 117–122.

26. Планирование размещения производительных сил СССР. Осуществление политики КПСС на этапах социалистического строительства. Ч. II. С. 223–224.

27. Там же. С. 215–216.

28. Тенденции экономического развития Сибири ... С. 51–52.

29. См.: Авен П.О., Широнин В.М. Реформа хозяйственного механизма: альтернативы намечаемых преобразований // Известия Сибирского отделения РАН. Экономика и прикладная социология. 1987. Вып. 3. С. 34; Найшуль В. Высшая и последняя стадия социализма // Погружение в трясину (Анатолий Застоя). М.: Прогресс, 1991. С. 39–46.

30. Артемов Е.Т. Истоки кризиса советской системы // Уральский исторический вестник. 2007. № 17. С. 106–107.